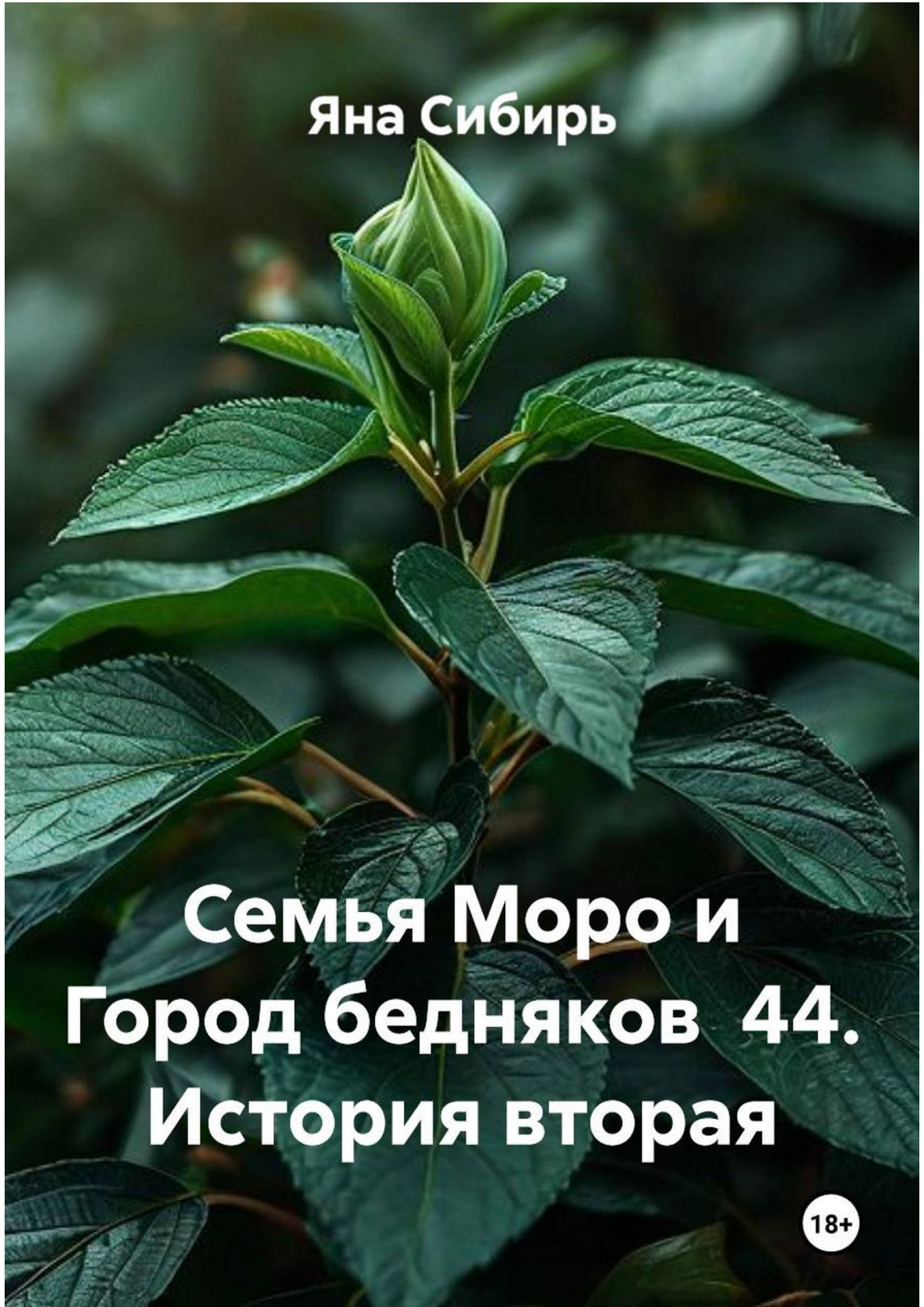

Яна Сибирь

**Семья Моро и
Город бедняков 44.
История вторая**

18+

Яна Сибирь

**Семья Моро и Город
бедняков 44. История вторая**

«Автор»

2026

Сибирь Я.

Семья Моро и Город бедняков 44. История вторая / Я. Сибирь —
«Автор», 2026

Город бедняков 44 продолжал оставаться одним из тех городов, в которых люди не бывают счастливы. Дети Моро, став старше и прочуввав на себе нищенское существование, решили, что им пора что-то менять. Но что могли сделать дети? Правильный ответ - как можно лучше освоить подарок от скрипача.

Яна Сибирь

Семья Моро и Город бедняков 44. История вторая

Часть 1

«Дети Моро»

Глава 1

Прошло еще два года с того знаменательного праздника, прежде чем жизнь заставила детей Моро вспомнить про подарок от бродячего скрипача. Хорошая жизнь вряд ли всколыхнула бы эти воспоминания, но о хорошей жизни в доме Моро давно забыли, потому что к этому времени семья в конец обнищала и все их думы были только о том, как не умереть с голоду.

Не смотря на все старания Феликса и Агаты, денег все равно катастрофически не хватало. Агата выбивалась из сил, работая на фабрике в две смены. Ее руки огрубели, лицо осунулось, а походка стала деревянной. Былая красота и грация стала медленно покидать женщину, и первым это заметил Феликс. Ему было больно смотреть, как его милая жена постепенно превращается в невзрачное существо, усталое и потерянное.

Чтобы хоть как-то облегчить участь любимой жены, Феликс хватался за любую работу, хотя сам выглядел не лучше ее, а чувствовал себя и того хуже. Тяжкий труд, постоянное недоедание и недосыпание подорвали его здоровье, и он уже не мог работать в полную силу, но это обстоятельство он тщательно скрывал от своей семьи. Порой ему казалось, что у него отлично получается, но наталкиваясь на прозорливый взор жены, он понимал, что она все видит и все знает.

Когда жизнь становится невыносимой, умные люди объединяются.

- Такую жизнь в одиночку не осилишь, - часто говорила Гбемизола и была права.

В этот голодный год семья Моро крепко объединилась с Гбемизолой и ее девочками, Марией Коваль и ее шестилетней дочерью Авой, а так же с Макаром, который работал вместе с Феликсом, его женой Адриной и их дочерью Верой, девяти лет отроду. Каждый вечер все они собирались в доме Моро на ужин, на который каждый из них приносил то, что у него было, ведь за одним столом легче прокормиться.

Ужин был самым плотным приемом пищи и вторым по счету за день. Перед ужином был только скудный завтрак. Обед не было вообще. В лучшем случае детям перепало пару сухарей и много воды. Это не насыщало растущий организм, но зато заставляло их желудки ненадолго замолчать и переключить свое внимание на что-нибудь другое, пусть и на короткое время. Так же, детей спасало то, что на дворе стояло лето, а летом, как известно, жить намного проще, чем зимой, например.

Но, лето не спасает от всего и в один жаркий июньский день Феликс пришел с работы раньше времени, и Гбемизола сразу определила причину столь раннего появления главы семейства. Феликс был бледным, его руки тряслись, вовлекая в тряску все тело. Он еле-еле держался на ногах, а его губы все время двигались, как будто он что-то говорил, но его никто не слышал.

Гбемизола подхватила Феликса, когда тот, споткнувшись о коврик, чуть не упал, потому что сил в его теле почти не осталось. Она побоялась, что он может полностью отключиться и рухнуть на пол, а у нее не хватит сил дотащить его до кровати. Она не могла допустить этого. Ей не хотелось, чтобы это увидели дети, поэтому, придерживая Феликса за руку, Гбемизола повела его в спальню. Там она уложила больного мужчину на кровать, а сама побежала на кухню, поискать какие-нибудь лекарства.

- Дело плохо, ой плохо, - причитала Гбемизола, перебирая в деревянном ящичке скудный запас лекарственных средств. – Ох, что же делать? К чему нам такая беда?

Такая беда и впрямь была совсем ни к чему. Денег не хватало на еду, что уж говорить о лекарствах. Отыскав немного порошка для снятия жара, Гбемизола развела его в чашке с водой и, прихватив с собой мокрое полотенце, поспешила обратно к Феликсу.

Мужчина стонал и метался по кровати. Его конечности сводили короткие судороги, которые причиняли ему жуткую боль, но он старался не кричать. Он терпел, потому что ему казалось, что в доме дети, а он, в первую очередь, думал о них. Он не хотел их напугать.

Гбемизола влила в рот Феликса порошок от жара и положила ему на лоб мокрое полотенце. Она знала, что этого не достаточно, но ничего больше сделать она не могла. Все что ей оставалось – это следить за мужчиной, менять полотенце и не подпускать к нему детей, которые должны были скоро вернуться с прогулки. К тому же Агата тоже должна была вот-вот приехать с работы. Последние три дня она брала самую короткую смену на фабрике, потому что чувствовала необходимость в небольшом отдыхе, который в данный момент был ей совсем не по карману. Если бы у нее были силы, она бы никогда не позволила себе эти три дня, но сил больше не было. Агата ехала в поезде домой, стараясь держать осанку и уверенный твердый взгляд, но даже это давалось ей с трудом. Она была уставшая и голодная, а главное, она перестала чувствовать себя красивой женщиной, и именно это убивало ее до конца.

Подъезжая к Городу бедняков №44, Агата думала только о том, чтобы в доме нашлась хоть какая-нибудь корка хлеба. Она все чаще стала замечать за собой, что все ее думы потихоньку сводятся к одной лишь еде, а точнее, к ее бесконечной нехватки. Агата не завтракала, а на фабрике, во время очень короткого перерыва, давали только маленький ломтик черного хлеба и пол кружки молока. Тому, кто брал короткую смену, хлеба не давали. Безмозглые хозяева фабрики, которые набивали свои карманы деньгами за счет тяжелого труда своих работников, считали, что короткую смену можно осилить, выпив лишь пол кружки молока. Естественно, они были уверены в этом в теории, потому что никогда сами не проверяли это на практике, не ощущали эти пол кружки на собственной шкуре. А, вот Агата и еще сотни рабочих, знали, что такого количества еды слишком мало для того, чтобы физически отработать несколько часов подряд. Вся трагедия была в том, что никому из руководства это не было интересно, ни тогда, ни потом. Никогда.

Как только Агата зашла в дом, дети набросились на нее с новостями о болезни отца. От голода и усталости она ни сразу поняла в чем дело, а когда поняла, то ноги ее подкосились, и она опустилась на пол прямо в коридоре. Так она просидела минуты три-четыре, ни о чем не думая и ничего не чувствуя, пока не услышала сердитый голос Гбемизолы.

- Встань с пола, женщина и пока будешь вставать, постарайся запомнить – никогда не показывай детям своего отчаяния. Поднимайся. Немедленно.

Агата посмотрела на Гбемизолу и мысленно поблагодарила Бога зато, что тот когда-то ввел в ее жизнь эту старую даму. Она встала. Гордо вздернув подбородок и расправив плечи, Агата задала лишь один вопрос:

- Что я должна делать?

- Все, что можешь, - коротко ответила Гбемизола, а потом более мягким голосом обратилась к детям: - А, ну-ка, малыши, дайте матери дорогу.

Дети расступились, освобождая Агате путь в гостиную. Несмотря на полное бессилие, и физическое и душевное, она твердой походкой прошла в комнату и грациозно опустилась в кресло в ожидании разговора с Гбемизолой.

Гбемизола не стала ходить вокруг да около и не стала приукрашивать сложившееся положение, а сказала сразу и честно, что дело – дрянь. Феликсу в срочном порядке нужны были сильные и довольно дорогие лекарства и что чем быстрее они придумают, как их раздобыть, тем лучше.

- Соболев ни за что не даст мне эти лекарства в долг, - сказала Агата, которая быстро включилась в поиск решения проблемы, начисто забыв про голод и усталость. – Этот злобный аптекаришка и матери своей бесплатно не поможет.

- Что есть, то есть, - задумчиво ответила Гбемизола. – Можно было бы попробовать послать к нему Эллу и Лулу, но сама знаешь, девчонки на заработках. Мягко говоря... В общем, возможно им повезет сегодня и мы сможем одолжить у них денег на лекарства. Вот только неизвестно, сколько их ждать, ведь они могут сегодня и не вернуться.

Гбемизоле было самой противно оттого, что она говорит, но в городах, подобных этому, жить по-другому было просто невозможно. Если у тебя не было денег, то желательно, чтобы не было и принципов. Только так можно было хоть как-то держаться на плаву.

Женщины впали в раздумья. Ни одна из них пока не знала, что предпринять.

- Мы пойдем к аптекарю, - неожиданно заявил Лель и только тогда женщины обратили внимание на детей, которые стояли в сторонке и о чем-то шептались. – Может нам удастся его уговорить.

- Ох, малыш, если бы все было так просто, - сказала Гбемизола. – Вы еще слишком малы, чтобы понять человеческую натуру. Соболев не просто человек, он натуральная сволочь и он пальцем не пошевелит без выгоды для себя. А какая ему от вас выгода? Никакой. Лучше идите и займитесь делом. Скоро придет поезд, так что надевайте на себя самые грустные лица и постарайтесь выклянчить из проезжающих богатеев побольше звонких монет.

Слова Гбемизолы оскорбили Леля. В его голове они прозвучали так, будто они, дети Моро, больше ни на что не способны, кроме как кланяться. Эти слова Лель помнил всю жизнь, ведь именно в тот момент, когда они прозвучали, в его мозгу зародилась мысль, что воровать намного благороднее, чем кланяться.

- Спасибо за совет, Гбемизола, но мы все же попробуем, - строго сказал Лель и, повернувшись к братьям и сестрам, молча, позвал их за собой, одним взглядом.

Разумеется, у Гбемизолы не было намерения оскорбить или как-то унижить детей. Конечно, нет. Она просто искала выход из сложной ситуации, поэтому ясно дала понять младшему поколению, что не стоит тратить время на аптекаря, потому, что он все равно не поможет.

О дрянной натуре аптекаря Вениамина Соболева знал весь Город бедняков №44 и даже пара ближайших, таких же истерзанных городишек. В свои сорок лет он выглядел на все шестьдесят, потому что та гремучая смесь, которая в нем кипела – злость и ненависть ко всему живому, не пощадила его и состарила раньше срока.

Хотя, не смотря на свой омерзительный вид и отвратительный характер, Вениамин любил женщин, причем, женщин всех мастей. Проблема заключалась лишь в том, что ни одна из них не ложилась с ним бесплатно, поэтому большую часть своих сил аптекарь тратил на заколачивания капитала, а оставшуюся часть – на всевозможные плотские утехы.

Семья у Соболева была – родители и младший брат, но он с ними давно не общался. Их жизненные взгляды не совпадали с его взглядами, поэтому Вениамин рано покинул отчий дом и больше туда не возвращался. Он не интересовался делами семьи, а даже если бы и узнал, что они голодают и что его отец уже находится одной ногой в могиле, он все равно бы не помог. Ему было плевать на то, что происходит с другими людьми, потому что Вениамин Соболев был мелким, злобным, чванливым человечком и чужие судьбы были ему безразличны.

Когда к нему в аптеку вошли шесть босоногих зеленоглазых детей, Вениамин презрительно скорчил рожу и многозначительно фыркнул.

- В долг не даю, - заявил он, не дав детям даже рта открыть. – К тому же, я уже закрываюсь.

- Мы много времени не займем, - сказала Стефания, которую никогда не пугали взрослые мужчины.

- К тому же, в долг нам надо немного и ненадолго, - осторожно присоединилась к сестре Бану.

- И всего-то? – с дешевой ухмылкой спросил аптекарь, поправляя пенсне и слегка переваливаясь через стойку. – Всего несколько настоек? Ну, тогда я, конечно, вам помогу! Конечно, помогу! Вот сейчас все брошу и накидаю вам полный мешок лекарств просто так, для вашего любимого папаши! Пошли вон из моей аптеки, паршивые попрошайки! Вон, я сказал, пока я не взял молоток и не раскрошил ваши тупые головы! Вон!

Для пущего эффекта и подтверждения своей ненависти, Соболев схватил с полки пустую банку и кинул ее прямо в детей. Клим, который считался первым защитником семьи и который всегда был начеку, быстро среагировал и подскочив к Стефании, прикрыл ее от летящей банки своей спиной. Стефания взвизгнула, а Клим слегка поморщился. Банка, отскочившая от его спины, упала на пол и только тут Стефания поняла, что брат спас ее и только благодаря ему, ее голова сейчас целая.

Пока дети Моро на минуту застыли, думая, чем ответить аптекарю, Бану, которая была самая, мягко говоря, взрывоопасная из них, подняла банку с пола и со всей силы швырнула ее в Соболева.

- Чтoб ты сдох, поганый старикашка! – выкрикнула Бану и, схватив Стефанию за руку, потащила к выходу, приговаривая: - Бежим. Бежим, быстрее.

Дети выбежали из аптеки под звон разбивающегося стекла, так как Вениамин уклонился от брошенной в него банки, поэтому она угодила в стену, где на полках стояли всевозможные баночки и бутылочки. Товар полетел на пол, а аптекарь взревел от злости.

- Чертовы ублюдки! Я убью вас всех и скормлю собакам! Безголовое отродье! Сволочи! – орал аптекарь вслед убегающим детям.

Дети Моро, перебежав через железнодорожные пути, добежали до лавки старьевщика Малахия и, остановившись, чтобы отдышаться.

- Ну, ты даешь, Бану! Это было круто! – воскликнул Клим. – Теперь этот говнюк десять раз подумает, прежде чем с нами связываться.

Клим подошел и обнял храбрую сестренку, как будто почувствовал, что она нуждается в одобрении своего поступка. Несмотря на внешнюю невозмутимость, Бану и впрямь нуждалась в одобрении, потому что взгляды, которые бросали на нее Хинрик и Манон, рождали в ней тревожность, а Бану ненавидела это чувство.

- Ну, что? Говорите уже! – не выдержала Бану укоризненных взглядов брата и сестры. – Что не так?

- Не стоило этого делать, - сказал Хинрик, вытирая рукой пол со лба. – Такая выходка может дорого нам обойтись. Возможно, сейчас этот Соболев уже на пути к нашему дому.

- Вот именно, - поддержала брата Манон. – Сейчас он расскажет маме о том, что мы сделали, а потом потребует с нее денег за разбитый товар.

- Да. Так что, получается, что мы не решили задачу, а лишь усугубили положение, - сказал Хинрик. – Предлагаю, впредь согласовывать действия, а не вытворять все, что взбредет в голову.

- Чего вы на нее напустились? – встал на защиту сестры Клим. – Она все правильно сделала. Нельзя позволять людям вытирать о нас ноги. Да – мы нищи, но это не дает людям право называть нас ублюдками, безмозглыми попрошайками или дерьмом, которое все никак не утонет. Разве я не прав, Лель? Стефания?

Стефания улыбнулась. Пылкий монолог Клима заставил ее глаза заблестеть. Она бы рыдалась, если бы не наткнулась на твердый взгляд Леля, который всегда останавливал ее порывы.

- Ты прав, Клим, - ответил Лель. – Ты во всем прав, брат. Но, в сложившейся ситуации и Хинрик с Манон по-своему правы. Мы должны помогать родителям, а не добавлять проблем.

- Да знаю я! – огрызнулся Клим. – Но, я так, же знаю, что этого козла давно надо было поставить на место.

- Согласен, - ответил Лель и засунул руки в карманы старых изношенных штанов. Он всегда так делала, когда чувствовал, что разговор становится серьезным. – Вот только кто теперь будет платить этому козлу, если он явится к нам с претензиями?

- А, зачем ему вообще платить? – спросил Клим. – Скажем, что он на нас наговаривает и что мы к нему сегодня близко не подходили.

- Отличная идея! – съязвил Хинрик. – Предлагаешь нам опуститься до вранья родителям?

Клим бросил на брата резкий взгляд, что и было ответом на вопрос. Возникла напряженная пауза, которую чаще всего, нежно разрушала Стефания, потому что не любила ссоры внутри семьи.

- Позвольте мне напомнить нам всем, что мы вышли на улицу, чтобы добыть денег, а не для того, чтобы поругаться, - сказала она, а потом обняла одной рукой Манон, а другой – Бану. – Ну, что семья, какие будут предложения по обогащению?

Дети были голодные, а бегство от аптекаря измотало их еще больше, но, не смотря на это, им необходимо было что-то сделать, потому что дома их ждали родители, которые нуждались в помощи.

- Мы с братьями пойдем к Баграту, - сказал Лель. – Попросим у него какую-нибудь работу. Объясним ему ситуацию и будем надеяться, что он поймет. Скажем, что пока отец болеет, мы с радостью поработаем за него. Ну, а вам, девчонки, придется пойти к поездам и заняться тем, что мы с вами ненавидим больше всего – просить.

- Боже, меня уже тошнит от этого, - сказала Стефания. – Неужели мы всю жизнь так и проживем, бегая возле вагонов и попрошайничая?

- Нет, - уверенно ответил Лель. – У нас все будет хорошо. Нам просто нужны: время, терпение и мозги, и у нас, слава Богу, все это есть. Вот только перед тем как думать о будущем, нужно убрать проблемы в настоящем. О будущем поговорим дома, перед сном.

Вдохновленные словами Леля, дети Моро отправились добывать монеты, от которых напрямую зависела жизнь их отца.

Дети ушли. Будь они постарше, то никогда бы не остановились для подобной беседы возле открытого окна лавки, за которым, на старом стуле без спинки сидел старьевщик Малахий и курил трубку, набитую дешевым табаком. Он не хотел подслушивать, но судьба распорядилась иначе, и ему пришлось узнать о бедах и страданиях семьи Моро.

- Как жаль, что у некоторых детей нет времени, чтобы надолго оставаться детьми, - запричитал Малахий, утирая пробивающиеся из глаз слезы. – Вот сколько живу на земле, а все никак не могу понять – зачем миру нужны несчастные дети?

Малахий знал, о чем говорил. Живя на белом свете, уже шестьдесят пять лет и, повидав столько горя, сколько хватило бы еще на семь жизней, он стал очень сентиментальным и ранимым человеком.

Больше всего старьевщик жалел детей, потому что сам был ребенком совсем недолго. Его семья была слишком бедной, чтобы жить долго, поэтому он рано схоронил родителей, двух братьев и сестру и остался со всем этим багажом совершенно один. Женщины им почти не интересовались, хотя однажды он чуть было не женился, но девушка в последний момент предпочла другого мужчину. Женщины иногда так делают. Малахий не обиделся. Он даже пожелал девушке счастья и ушел из ее жизни. Правда ушел недалеко, а до ближайшего дешевого трактира, где напился в смерть и той же ночью попал под поезд, который отрезал ему правую ногу выше колена. Его спасли, но для женщин он стал невидимкой и это разбивало и без того нежное сердце мужчины. Иногда ему так хотелось умереть, что он часами просил об этом Бога, но тот был глух к его молитвам и тогда Малахий решил, что он еще не сыграл свою роль до конца и ему нужно потерпеть. И он начал терпеть. Не жить, а терпеть жизнь.

Старьевщик знал семью Моро и, так же как и могильщик Батч души не чаял в их детях. Они казались ему какими-то другими, какими-то необычными. После нечаянно подслушанного разговора Малахий стал думать как он может помочь этой семье, но что-то придумать было сложно, потому что у него самого почти всегда не было денег, а ситуация требовала именно их.

За размышлениями Малахий не услышал, как скрипнула дверь, и не увидел, как в лавку вошел Шагарин. Все в Городе бедняков №44 были знакомы друг с другом, и само собой старьевщик был знаком с Матвеем и имел о нем собственное мнение.

- Ты чего загрустил, старик? – бросил Шагарин, заметив на лице старьевщика смятение, а на глазах – слезы. – Случилось чего?

- Случилось, - ответил Малахий и потянулся за своими костылями. – Но нам с тобой этого не исправить.

- Заинтриговал, - сказала Шагарин и хитро улыбнулся. – А ну-ка старик, давай рассказывай, что там у тебя. Трудности я не люблю, но иногда они нужны, чтобы держать себя в хорошей форме.

- Это не игра, сынок, - сказал Малахий, тяжело переставляя костыли. От всего происходящего у него закололо сердечко, и он заторопился к шкафчику за лекарством. Про себя старьевщик почему-то подумал, что не может умереть сейчас.

Шагарин, который не особо жаловал долгие объяснения и людей, которые не отвечали на его вопросы, проводил Малахия взглядом, и хотел было уже нагрубить старику, но увидев его неуклюжие попытки накапать себе, лекарство в рюмку, остановился.

- Если у тебя проблемы, старик, скажи, и я помогу.

- С чего это вдруг Шагарин начал помогать людям? – усмехнулся старьевщик, а потом залпом осушил свою пожелтевшую от долгих лет рюмку. Стоять ему было тяжело, поэтому подлечившись, он тут же поплелся, обратно на свой старенький стул.

- Я не собираюсь помогать людям! Что за вздор? – ответил Матвей. – Я предложил помощь только тебе и только в данный момент, но если она не нужна или не нужна от такого, как я, то ты, старик, просто скажи.

- Ох, да мне все равно, какой ты. Это должно волновать тебя, а не меня, - сказал Малахий, опуская на стул свое измотанное тело. – Я чужие грехи не считаю. Мне бы со своим разобраться.

- Да, какие у тебя грехи, старик? – спросил Матвей, подходя к Малахию. Глядя на старьевщика, на его грустный взгляд, трясущиеся руки и искалеченное тело, завернутое в лохмотья, Шагарин почему-то подумал, что если у этого создания и были грехи, то он уже давно их отмолил. – Все, что я о тебе знаю, так это то, что ты дальше церкви не ходишь.

- А мне дальше уже не надо, - ответил Малахий, - а вот тебе следовало бы хоть раз туда заглянуть.

- Ну, это уже лишнее, старик, - ответил Матвей. – Я сюда не за советом пришел. У тебя в лавке много всякой ерунды храниться, так может среди нее завалилась парочка крепких цепей. Ко мне на днях пребывают новые бойцы, а мне нечем их, так сказать, пленить. Поможешь? Я хорошо заплачу.

- Животных нельзя пленить, сынок, нельзя, - сказал старьевщик, прикрывая старые глаза своей массивной морщинистой рукой. – Бог за такие дела по голове не погладит.

- Ты за мою голову не переживай, - сказал Шагарин. – У нее хороший хозяин и он о ней позаботится. Лучше найди мне цепи.

- Спустись в подвал, - сказал Малахий. – Там на полу, в ящиках посмотри. Сам ты быстрее справишься. Хотя, если у тебя времени свободного много, то можешь подождать, пока это сделаю я.

Шагарин состроил недовольную гримасу, но она была шутилой, а не злой.

- Сиди, старик, - сказал Матвей и сам пошлее за своим товаром.

Спустя какое-то время он вернулся, держа в руках три увесистых цепи. Подойдя к столу, за которым сидел старьевщик, Шагарин бросил цепи на пол и принялся отряхиваться от пыли. Бросая мимолетные взгляды на старика, Матвей подумал, что если бы кто другой послал его в подвал и заставил рыться там, в полумраке, то он, скорее всего, сразу оторвал бы ему голову и скормил бы ее своим бойцам. Но, Малахий был другой, он, как и Батч, был смелым, а Шагарин уважал смелых стариков.

- Надеюсь, я заслужил скидку за самообслуживание? – пошутил Матвей.

- И не мечтай, сынок, - ответил Малахий. – Деньги у тебя есть, так что придется рассчитаться по полной цене и сразу. Возможно, в другой день я был бы менее настойчив, но, сегодня нужны деньги, так что плати.

- А что за особенный день? День рождение?

- Еще хуже, - ответил Малахий и тяжело вздохнул. Он не знал, стоит ли рассказывать то, что он сам, по сути, не должен был знать. – Все дело в детях. Я хочу помочь детям.

- Благородный порыв. А в помощи нуждаются какие-то определенные дети или ты планируешь помочь всем детям на этой дерьмовой планете? Учти, старик, на великую миссию у тебя уже здоровья не хватит.

- Остряк, - заметил Малахий. – Теперь, чтобы я не обиделся, выполнишь мою просьбу.

Шагарин звонко захохотал, потому, что такая дерзость была ему по нраву. Он присел на стул, напротив старика и тоже закурил. С минуту они молчали и переглядывались.

- Веселый ты человек, Малахий, - сказал Шагарин. – Ладно, говори свою просьбу. Исполню – по полной и сразу.

- Вот это разговор, - обрадовался старьевщик – В общем, просьба такая, ты сейчас пойдешь и отыщешь детей Моро и деньги, что причитаются мне, отдашь им. Все понял?

- Понял. Вот только надо уточнить сумму. Сколько я должен?

- Да сколько не жалко.

- Сколько не жалко тебе или детям Моро? – язвительно спросил Матвей. Ему вдруг захотелось позлить старика, но Малахий никак не отреагировал и Шагарин остановился. – Я все сделаю, старик.

Шагарин поднял с пола свои цепи, положил на стол несколько купюр для Малахия и покинул лавку. Сначала он пошел домой, чтобы оставить там покупку и выпить пару стаканов виски, но оказавшись возле своего бара с невероятным разнообразием спиртного, он в последнюю минуту выбрал коньяк. Сидя в кресле в полумраке комнаты, попивая небольшими глотками свой лучший коньяк и куря третью сигарету подряд, Шагарин пытался стряхнуть с себя то, что неожиданно к нему прилипло, а именно – чувство жалости.

- Твою ж мать! Да что со мной такое? – недоумевал Матвей. – Может возраст Христа на меня так действуют?

Пока Шагарин разбирался в своем состоянии, братья Моро стояли перед Багратором и уговаривали его принять их на работу.

- Да, что вы можете? – смеялся Баграт. – Вы же вдвоем один ящик не поднимете.

- Поднимем, - огрызнулся Клим, который не выносил насмешек в свой адрес. – Просто дайте нам работу и сами все увидите.

- Вот так, значит! Увижу, значит? – спросил владелец конторы.

- Увидите, - уверенно ответил Клим, пока братья молчали.

Баграт знал о тяжелой болезни главы семьи Моро и знал, как туго приходится без денег этой большой семье, но давать шанс мальчишкам не спешил. Он смотрел на них и думал. В его глазах они выглядели такими маленькими и жалкими, что он с трудом мог поверить, что они справятся с настоящей мужской работой.

Так же как Клим не выносил насмешек – Лель, в свою очередь, терпеть не мог жалость к себе со стороны других, поэтому он сразу распознал ее в глазах Баграта, и злость накрыла его с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.